

*М. С. Куропятник,
А. И. Куропятник*

**СААМЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО
И ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ**

Саамы разделяют судьбу тех коренных народов, чьи территории входят в состав нескольких национальных государств, обладающих различными социально-экономическими и юридическими системами, а также законодательством в отношении коренного населения. Исторически сложилось так, что саамы представляют собой народ, дисперсно расселенный в Норвегии, Финляндии, Швеции и на северо-западе России (на Кольском полуострове). При этом на национальном уровне проявляется тенденция рассматривать саамов как меньшинство в границах соответствующего государственного образования (вне контекста единого народа) [1, р. 89–90]. Между тем, будучи в антропологическом отношении крайне гетерогенными, саамы в последние десятилетия демонстрируют примеры этнической мобилизации и формирования общесаамской идентичности.

Особенность положения саамов состоит в том, что они являются одновременно и коренным народом, и этническим меньшинством. Именно такой социально-правовой статус саамов (*indigenous people and minority*) закреплен в законодательствах Норвегии, Финляндии и Швеции. Статья 21 Устава Мурманской области закрепляет за саамами статус «коренного малочисленного народа».

Отметим в этой связи, что разделение меньшинств (этнических, национальных, религиозных, языковых) и коренных народов, связанных с определенной территорией и проживающих на ней с незапамятных времен, возникло в результате законодательной деятельности ООН [2, с. 24]. При этом само понятие «меньшинство» в международно-правовых документах и научной литературе трактуется неоднозначно [3, с. 9–12; 4, с. 83–89]. В социальной антропологии под этническим меньшинством обычно понимается группа, численно уступающая остальному населению общества, политически не доминантная и воспроизводящаяся как этническая категория [5, р. 121]. В российских нормативно-правовых актах и научном дискурсе используется концепт «коренные малочисленные народы», соединяющий критерии «территориальности» (проживания на территории традиционного расселения своих предков) и «порог численности» (до 50 тыс. чел.) [6, с. 172]. Дефиниции «меньшинство» и «коренной народ» не являются тождественными, но могут корреспондировать: последний является одним из типов меньшинств.

Установление общей численности саамов в Северной Европе достаточно проблематично вследствие применения различных критериев этнической идентификации. Так, в Финляндии до 1996 г. наиболее существенным фактором

считалась языковая принадлежность, в Норвегии — пользование саамским языком дома, в Швеции — наследственное право на занятие оленеводством, в России — этническое самосознание. Кроме того, критерии этнической идентификации, применяемые в определенной стране, могли неоднократно меняться, как, например, в Финляндии, или определять только часть этой этнической группы, как, например, в Швеции, где согласно «Закону об оленеводстве» только около 2800 человек обладают наследственным правом на занятие оленеводством, в то время как численность саамского населения оценивается в 10–17 тыс. чел.

За исключением России переписи саамского населения нигде не проводились. Поэтому приводимые в различных источниках данные являются оценочными и колеблются от 35 до 70 тыс. чел. При этом некоторые исследователи считают возможным определять максимальную численность саамов в 100 тыс. чел. Особенно часто фигурирует и признается наиболее достоверной общая численность саамов в 35 тыс. чел. [7, с. 147; 8, р. 31–32; 9, р. 10; 11, р. 5].

Следует особо подчеркнуть, что в настоящее время саамы являются меньшинством не только по отношению к населению национальных государств, но и по отношению к населению территории их исконного проживания. Только во внутренних районах Финнмарка (Норвегия) и в Утсйоки (Финляндия) саамы продолжают оставаться этническим большинством [10, р. 5]. В России и Швеции во всех местах проживания саамы являются меньшинством.

Саамская культура, понимаемая как некая общность традиций, ценностей и способов самовыражения, уже более тысячелетия существует в контакте с другими культурами. В настоящее время саамы живут в национальных государствах, обладающих большой политической и экономической властью. На этом основании известный норвежский исследователь Т. Туен считает возможным говорить о политическом, а не экологическом характере их маргинальности [11, с. 60]. Как меньшинство саамы особенно сильно подвержены воздействию макросреды (этнической, культурной, социальной, политической).

Ключевыми вопросами современного общественного развития саамов, как и других коренных народов, являются право на самоопределение, самоуправление внутри национальных государств и право на землю и воду на саамских территориях. В национальных государствах оформились различные подходы к проблеме автономии и территориальных прав саамов; векторы правового и социально-политического развития также не являются параллельными. В этом плане наибольший прогресс достигнут в норвежской правовой системе.

Норвегия является единственным из четырех государств, где проживают саамы, ратифицировавшим в 1989 г. Конвенцию МОГ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни», знаменовавшую изменение парадигмы международного сообщества в отношении аборигенных народов: от ориентации на интеграцию коренного населения (Конвенция МОГ № 107, 1957 г.) как не отражающую современный образ мышления, к акцентированию вклада аборигенных этносов в культурное разнообразие, социальную и экономическую гармонию человечества [12, с. 122].

В норвежском законодательстве реализован личностный подход к автономии: саамы могут избирать и быть избранными в Саамский парламент независимо от того, в какой части страны они живут [2, с. 20]. В отличие от Финляндии

здесь не существует четко ограниченной саамской территории, а маркирован только административный ареал (территория) саамского языка, который наряду с норвежским является равноправным официальным языком. Эта территория включает муниципалитеты Карасйок, Каутокейно, Нессебю, Порсангер, Тана и Кофьорд (Финнмарк) [10, р. 7].

Самая северная часть Финляндии, включающая муниципалитеты Енонтекио, Инари, Утсйоки, а также северную часть Соданкюля, и в географическом, и в юридическом отношении образует Саамскую территорию. Саамское население составляет здесь одну треть. С 1996 г. статус саамов как коренного народа закреплен в Конституции Финляндии, где гарантируется право на культурную автономию в границах Саамской территории [13, р. 14]. То есть в отличие от Норвегии саамская автономия в Финляндии носит территориальный характер. Одновременно правительство Финляндии признало территориальные права саамов, что, следует отметить, вызвало определенный рост межэтнической напряженности между саамским и финским населением.

В Финляндии при создании Нового саамского парламента была изменена процедура установления принадлежности индивида к саамскому этносу. Если раньше в соответствии с законодательством бенефициариями права являлись лица, владеющие саамским языком, или те, чей отец либо дед говорил по-саамски, то с 1996 г. для признания индивида саамом достаточно представить свидетельство того, что среди его предков были саамы. Таким образом, если прежний этнический критерий был обусловлен культурно, новый основывается на принципе крови [14, р. 3].

Особенностью правового положения саамов в Швеции является зависимость избирательных прав индивида от шведского гражданства. В отличие от Финляндии и Норвегии саамский язык в Швеции не является официальным языком [15, с. 9].

В целом номенклатура прав этнических меньшинств представляет собой преимущественно общегражданские права [16, с. 56]. Вместе с тем в Швеции и Норвегии некоторые права могут рассматриваться как этнические. Это касается права на занятие оленеводством, которое является основным компонентом традиционной системы жизнеобеспечения. Так, только гражданин Норвегии саамского происхождения имеет право заниматься оленеводством. Ныне действующий в Швеции Закон об оленеводстве (1971) предоставляет право «эксплуатировать землю и водоемы для содержания семей и оленей» саамам-олeneводам, членам общины-siida [15, с. 6–8]. Такой подход представляется оправданным, так как оленеводство в данном случае является необходимым условием сохранения самобытности этнической группы.

Открытие представительных органов — Саамских парламента в Финляндии (1972), Норвегии (1989) и Швеции (1993) знаменовало важный шаг в официальном признании роли саамов в социальной жизни и продемонстрировало изменение в этнополитических взаимоотношениях саамов и национальных государств. Общественные интересы российских саамов представлены Ассоциацией кольских саамов (1984).

Саамы наглядно демонстрируют одну из тенденций современного развития, а именно стремление меньшинств к интернационализации своих связей, что предполагает принципиально иной уровень международной информированно-

сти [17, с. 82]. Параллельно растет также их правовая и научная компетентность. Для российских саамов в 1990-е гг. ориентация на международные контакты и перенесение основной массы коммуникации с оппозиции «этническая группа»—«государство» на оппозицию «этническая группа»—«референтное этнополитическое образование, выходящее за пределы России» наряду с осознанием ценности саамского языка стали важнейшими факторами этнической мобилизации. В эти годы, получая постоянные мощные импульсы извне, саамское этнополитическое движение в России направленно формирует и манифестирует концепт общесаамской идентичности. При этом другие уровни и линии этнической идентичности, а именно уровень локальной общины, региональное своеобразие, а также идентификационная концепция «мы — саамы России», нивелируются, отрицаются и подчиняются этой достаточно проблематичной кодификации, далеко не всегда разделяемой и понимаемой в саамской среде. Следует отметить, что на этом уровне символы этнической идентификации создаются иначе, чем в межличностном общении и это во многом связано с деятельностью этнополитической элиты меньшинства, стремящейся к мобилизации своего народа и одновременно имеющей доступ к институтам и ресурсам общества большинства [18, р. 5]. На связь риторики идентичности, т.е. определенного научного и политического дискурса с определенной политической практикой, неоднократно обращали внимание исследователи [19, с. 50]. Что касается саамов, то сложившаяся здесь ситуация во многом уникальна, так как национальные этнополитические элиты имеют тенденцию апеллировать непосредственно к высшему уровню государственной власти (минуя локальные и региональные административные структуры), а также к самым влиятельным международным организациям [20, р. 205]. Аналогичные коммуникативные социальные стратегии в настоящее время используют и российские саамы.

С 1956 г. существует Союз саамов, объединяющий общественные организации саамов Финляндии, Швеции и Норвегии. Саамы Российской Федерации являются членами Союза саамов с 1992 г. Согласно Уставу Союза саамов его главная цель как культурно политической организации состоит в защите интересов саамов как единого народа. С 1970-х гг. началась активная деятельность этой организации по вопросам коренных народов на мировом уровне. В 1975 г. Союз саамов стал членом Ассоциации коренных народов мира (World Council of Indigenous Peoples, WCIP), представляющей народы, которые исконно живут на своих территориях, но не имеют права принимать решения о своих территориях или правах.

В конце 1980-х гг. Союз саамов получил статус неправительственной организации (NGO — Non-government Organization, т.е. организации, которая не является представителем правительства) в ООН, где он участвует в разработке Декларации ООН по коренным народам. Такую же позицию — NGO — Союз саамов имеет и в МОТ (ILO — International Labour Organization). В учрежденном в 1996 г. в Оттаве Арктическом совете три ассоциации коренных народов — Союз саамов, Ай-Си-Си (Ассоциация инуитов) и Ассоциация малочисленных народов Российского Севера — имеют статус постоянного участника. Безусловно, международная деятельность Союза саамов, как и ряда других организаций коренных народов, оказала значительное влияние на принятие законов в их пользу.

На состоявшейся в 1986 г. в г. Оре (Швеция) XII саамской конференции было принято решение о разработке проекта Скандинавской саамской конвенции. Для реализации этого решения Союз саамов создал в 1990 г. специальную юридическую рабочую группу под председательством Ларс-Нила Ласко. Подготовленный этой группой проект был одобрен делегатами XVI саамской конференции в Мурманске (1996) и вступит в силу в каждом национальном государстве по истечении 12 месяцев после того, как все стороны ратифицируют Конвенцию. Следует признать, что авторам удалось создать вариант соглашения, который определяет новое видение будущего развития саамского народа и может явиться этапным в практике международного права, действующего относительно коренных народов и меньшинств. Так, один из принципов Саамской конвенции формулируется ее авторами как право определять приоритеты развития и обеспечивать свое будущее в качестве единого народа. Реализация этого принципа мыслится на основе «объемного права на самоопределение», не предполагающего создания отдельного саамского государства и изменения современных государственных границ [15, с. 13–14].

Очевидно, что в такой формулировке заложено стремление к бесконфликтной модели межэтнического и межнационального взаимодействия. Известно, что меньшинства, члены которых живут по разные стороны государственных границ, особенно настаивают на правительства, которые видят в этом угрозу территориальной целостности [2, с. 22]. В противовес этому авторы проекта Конвенции стремились договориться об общем уровне минимума прав саамов, который каждая страна может осуществить в своей правовой и административной системе. Параллельно с этим происходит концептуализация саамской этничности, базирующейся предпочтительно на принципе «не-конфронтации». Политически это выражается как оппозиция требованиям «аборигенности» и конституционно закрепленному особому статусу вплоть до отрицания самого факта существования особой, уникальной саамской идентичности [18, р. 4].

Авторы Конвенции считают необходимым законодательно зафиксировать и добиться признания правительствами основного права саамов — права на землю и водоемы, которыми они традиционно владеют. Это право во многом базируется на нормах обычного права. Положение с реализацией исконных саамских прав на территории достаточно сложно и во многом типично для тех национальных государств, где проживают коренные народы. Непризнание этого права в Норвегии, Швеции и Финляндии основано на действии так называемого принципа *terra nullius*, согласно которому все не возделываемые территории находятся в государственной собственности, а кочевые оленеводческие группы населения не могут являться собственниками земли. Так, например, около 90 % земли в границах очерченной Саамской территории в Финляндии является собственностью государства [10, р. 6; 14, р. 3].

Принципиальной является позиция авторов Конвенции относительно будущего развития саамского этноса: «Саамы несут ответственность за свое будущее. Будущее саамского народа не должно зависеть от их решений» [15, с. 84].

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время идет процесс формирования саамской этничности, базирующейся на концепте «не-конфронтации», которую можно расценивать как коммуникативную стратегию социальной интеграции.

Литература

1. Lasko N. The Importance of Indigenous Influence on the System of Decision-Making in the Nation-State // *Self-determination and Indigenous Peoples: Sami Rights and Northern Perspectives* / IWGIA Document 58. Copenhagen, 1987.
2. Альфредсон Г. Права меньшинств: Равенство и не дискриминация // Ленинградская конференция по правам меньшинств: Доклады и сообщения. Л., 1991.
3. Мартынова М. Ю. Политика государств Европы в сфере защиты прав этнических меньшинств // Этнические проблемы и политика государств Европы. М., 1998.
4. Соколовский С. В. Самоопределение и проблема меньшинств: Международно-правовые аспекты // *Расы и народы*. Вып. 24. М., 1998.
5. Eriksen T. H. *Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives*. London, 1993.
6. Чешко С. В. Этнические меньшинства и национальная политика // *Расы и народы*. Вып. 24. М., 1998.
7. Анохин Г. И. Судьбы аборигенов Лапландии // *Расы и народы*. Вып. 6. М., 1976.
8. Asp E. *The Lapps as a Minority Group in Finland* // *Ethnic Minorities*. Turku, 1993.
9. Asp E., Rantanen K., Munter A. *The Lapps and the Lappish Culture*. Turku, 1980.
10. Henriksen J. *The Legal Status of Samiland Rights in Finland, Russia, Norway and Sweden* // *Indigenous Affairs*. 1996. №2.
11. Туен Т. Культурная и этническая непрерывность народов Севера: Некоторые антропологические подходы // *Советская этнография*. 1990. № 5.
12. Ткаченко А. А., Корюхина А. В. К проблеме ратификации Российской Федерацией Конвенции МОГ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» // *Этнографическое обозрение*. 1995. № 3.
13. Huvarinen U. Threats to the Cultural Autonomy of the Saami // *Indigenous Affairs*. 1996. № 2.
14. Oreskov K. Editorial // *Indigenous Affairs*. 1996. № 2.
15. Проект Саамской Конвенции. Рованиemi, 1995.
16. Кряжков В. А. Права малочисленных народов России (подходы и регулирование) // *Novum juridicus*. М., 1997.
17. Крупник И. И. Этническая ситуация в Советском Союзе: Новая трансформация и судьба меньшинств // Ленинградская конференция по правам меньшинств. Л., 1991.
18. Thuen T. *Quest for Equity: Norway and the Saami Challenge*. Newfoundland, 1995.
19. Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // *Вопросы философии*. 1998. № 2.
20. Pelto P., Mosnikov S. *Scolt Saami Ethnicity and Cultural Revival* // *Ethnos*. [Stockholm.] 1987. № 3–4.